

(фрагменты из “Глубинной книги”)
Пекельное царство и божичи его.

За тремя рассветами, за девятью закатами,
За лесами дремучими, за горами толкучими,
За тремя морями плескучими:
чёрном, белом да красном.

За полями неезженными-Тёмно царство,
в царстве том, тёмно лес дремуч,
сосны в небо макушками упираются,
ели ветвями сами хлещут,
дубы кореньями ворочают.

На ветвях чёрны птицы могут сидят,
с мордами кобыльями, зубами волчьими,
крылами нетопырьями, чешуёю змиевой.
Меж дерев стада леших косматых пасутся,
ходят да свищут, воят да блеют,
и стаи волкодлаков рыскают.

А за лесом тем поле чудное, с травами заповедными
Чуды-юды бродят там невиданные,
всяким зверем перекидываются.

За полями теми пустоши,
снежные и холодные, белые и бескрайние.

Идрик-звери ходят там, ходят да всё норы роют,
а лучи Солнца красного как увидят,
в камень оборачиваются.

В глубине же там Шкурупея-змея лежит,
со своими детушками,
и как детушки то её под землей ползут,
Земля-Матушка сотрясается.

А за ними горы черные, выше неба поднялися,

там могли гнёзда вьют,
и крылами хлопают тени бессловесные.
На вершине гор стоит дворец невиданный,
с версту каждый его камешек,
и живёт там Тот,кто смерти неймёт.
Он владыка судьбы каждого божича,
и хозяин жребия человеческого,
князь Он царства того Тёмного.

И за царством тем,вход во царство Пекельное,
вход как зев кита,яко раскрытое.
Велико оно царство Пекельное,
зело страшно царство Пекельное.
Глубоко под землей царство Пекельное.
Их семь царств,царств то Пекельных,
и одно за другим,все долу лежат,
каждое,страшнее прежнего.
А во царствах тех,стоят хоромины,
хоромы крепкие,и в хоромах тех сидят чудища,
мёртвым сном все спят,не шолохнутся.
И те чудища,боги чёрные,
зело страшные,инорокие.

В глубине же пекельной,
пропасть превеликая и бездонная,
ни конца ни края ей,неизмеренна,
то сам Яма бог,он старее всех богов пекельных,
он начало всех и могила всех препоследняя.
А из бездны той,огонь горит,поднимается,
и не может никто на огонь глядеть,не ослепнувши.
Так горяч огонь,что стал чёрен цвет,
то не просто огонь,то сам Чернобог отец,
Царь Пекельный,всех дасуней царь.

И коль скажет кто, что безумное,
то пусть знает-помрачение то Чернобогово.

Как Ниан сидит Чернобоже царь,
прямо над бездной той, окружён огнём,
на троне чёрном каменном.

Великаном тёмным восседает он,
что и волоты мураши пред ним.

Лик его искажён всегда, злобой лютою,
а в глазницах пустота кромешная.

А по денницу-то стара жена его,
Мара древняя, Чёрна Матушка,
всё, что есть на земле, да под солнышком,
как разявет зев, в ней конец найдёт.

А у ног её, сыновья сидят,
Мор и Морок, чёрны божичи,
коль восстанет Мор,
то и смерть пришла многолюдная,
в грады крепкие, в терема боярские,
в сёла крестьянские, в землянки огнищанские.

Мор то князь, над всей смертной недужью,
и жена его Чума чёрная
и сестра её Холера белая.

Велика власть и брата Морока,
он наводит сон, всяк под власть его попадается,
посылает мороков, в снах мучителей,
в чудных образах, в страшных образах.

А по шуйницу-молода жена,
то Марена, пекельна красавица,
в ручке беленькой, серпик востренький,
и срезает им, жизнью ниточки,
на челе венки, из цветов сухих,

очи то-очи мёртвые.

Уж премудра она, в колдовстве всезнающая,
всем ведуньям старым хозяйюшка,
и злым жинкам наставница.

А коль ночью тёмненькой, да пойдёт она,
да по выселкам, постучит в окнцо, и да выпросит:
“Что хозяйева, что вы делаете?”

То ответь ка ей: “Богу молимся.”

А не скажешь так, иль ответишь что,
не видать тебе зорьку утреннюю,
по утру найдут, уже хладного.

Пред младой царевной, Вий сидит-
князь пекельный, а вокруг всё слуги виичи.

Чёрен князь, тюремщик пекельный
с бичом огненным, весь в грязи покрыт,
жабью пасть открыл, вежды до земли спустил,
очи смерти ими закрываются.

Спит веками он, да похрапывает,
а подымут вежды слуги коль, тот кто взглянет в них,
тут же мёртвым падает.

Пред старой царицей, Руевит стоит,
великан в броне, кат пекельный.

На челе шелом одет, а под ним ликом семеро,
ярких ликом, буйством перекошенных.

На плечах его плащ перекинутый,
он из усмы воев тьмы, что на сечи рублены.

Дланей семь, а на поясе шесть мечей висят,
меч седьмой в длани поднятой.

И не в силах то, сей да меч отнять,
не из Прави кто, из сварожичей,
не из Нави кто, богов пекельных,

не из Яви кто,из живых людей.
И покуда меч,крепко держит он,
не бывать тому,чтобы пала Русь,
не лежать Руси то поверженной,
то завет таков-завет пекельный.

А посред сидит Радогаст судья,
на плечах его глава львиная,на главе же той,
сидит уточка,гоголь чёрная,то сам Чернобоже есмь,
когда Яви мир,сотворялся им,
доставал он землю со дна Моря-Океана древнего.
Беспощаден суд и суров судья,
не подкупишь тут,и не вымолишь,
по заслугам здесь всяк воздаст судья,
судья всего мира навьиго.

А за всех за них,сидит Чёрная,чёрная да рогатая,
меж рогов то тех играет солнышко,Солнце Навие,
то Седуня Коза,коза чёрная,коза древняя,
из сосцов её молоко течёт,молоко течёт то чёрное,
светят в нем часты звёздочки.
Она многим Мать,тута пекельным,
перед ней сынок,козлоногий Пан,со всем выводком,
то паны его,все рогатые,они родичи то подземные,
братья лешим всем,лесным жителям.
Скачет он козлёночком,
скачет на копытцах медненьких,
а как разиграется,то тогда земля огнём,
с чёрным дымом раскрывается.

И сама тут Ночь,краса Купальница,
с факелом огня на землю собирается.
Солнце-Даждь ушёл,и пришла пора,

распускать над миром свои чёрны покрыва.
Детки её звёздочки, брат с сестрицей схожие,
братец-Денница и сестра-Вечерница,
мати за руки берут-на землю тёмну матушку ведут.
Чёрный аист Бака на одной ноге, под горой сидит,
над птицами-могулями властвует,
коли клюв откроет, в нём и Солнце скроется.

В небесах же пекельных, дивы-дивные,
безобразные, колом кружатся да беснуются,
от древне Дыя тёмного сюда спускаются.
На вершинах гор то пекельных, упыриный пир,
да псеглавые, гложут кости человечи,
гложут и все сбрасывают.
А под царствами то всеми пекельными,
во глубинах Яща плавает, в смертной одури,
а проснется как, пошевелится,
вся земля боком поворачивается.

Древний Ур, змеебог, обернул кольцом
всё царство Пекельное, он Злебог, зело лютый бог,
в пасти души грешные пережёвывает.
А жена его, Лама-Ламия, та царица змей,
то по пояс жена, а долу змиеща, и вся гадами увитая.
Они мать с отцом всем змеям-аспидам,
гадам всем, что на брюхе ползут,
и тем, что ногами идут-каранджеями называются.

Дракон Яга пасть раскрывает, пасть раскрывает
от земли до неба, а зубы, что горы Репейские.
На сухом дубу, грозен чёрен орёл Магул сидит,
крылья расправит, небо скроется,
а летит меж звёзд, крылами хлопает-

звёзды гасятся, а кто клёкот слышит его,
тому мёртву быть от зова проклятого.

А под ним на ветвях сидят, двое во всём схожие,
схожие неразличные-Полуденник с Полуночником,
ветры знойные, что приносят людям
болезнь да безумие.

Есть и пекло хладное,
Карачун заточённый в нём с великаном Зимником, вместе с
ними прислужники: вьюги, метели, позёмухи.

На цепях то там лихорадки висят,
все двенадцать сестёр, с Чёрной Немочью.
Буен Подзвизд там кружится,
скачет по облакам-снежна буря начинается,
людей с земли хватает, в небо подкидывает,
льдом об землю обратно побиваются.

А есть и пекло огненно, Змиулан заточённый там,
тёмный лик огня-огнь пекельный,
воеводой у него Пекленец огненный,
и под дланью его пекленцов то тьмы,
злых огней-лютых прислужников.

Таково то царство пекельное, и во царстве том, волхвы
чёрные, кладут требы кровавые,
ведьмы хороводы ведут, хороводы не-правые,
а главой у них злой ведун Маргаст,
с сестрой ведьмой Мазатаю.

Здесь обитель для дасуней тьмы: Обида,
Блуд и Бес, Переруг же
здесь, Припекало, Злыдень, Бука, Страшило, Калья
чёрная, Лихо одноглазая...

В каждом русиче, тот огонь горит,
огонь пекельный, от чего же так?
то не знает князь, утаит то волхв.
Каждый русич ведаёт, что Дажьбога внуки русичи,
Солнце-Даждь отец, кто ж мать тогда?
то не знает князь, утаит то волхв,
кто по шуйну пути идёт, тому ведомо:
руси матушка, та Маренушка-
царица пекельная, с очами смертными,
оттого и боги пекельные, руси родичи,
оттого и с Русью-завет вечный пекельный.

Есть во пекле, черный колодец, да без воды,
во глубине колодца, Мать Судьбы сидит,
паучихой Мать Кош сидит, от века паутину плетёт,
нити судеб ткёт, да завязывает,
а как кончит ткать-тут и свету конец.